

Чжоу Дафэй прижимал к себе новенький сценарий «Лимонной прохлады». Прошло немало времени, прежде чем он наконец выдавил из себя тихое: «А-а». Природа наградила его на редкость живым, выразительным взглядом, и увидеть его в таком глубоком замешательстве случалось нечасто.

К собственному удивлению, в эту секунду он не почувствовал привычной тревоги — внутри всё было на удивление спокойно.

Пэй Яню это замешательство показалось забавным. Невзирая на то, что они всё ещё находились на съёмочной площадке, он потянулся и легонько щелкнул Чжоу Дафэя по носу:

— Что, так впечатлён моим великодушием?

Однако Чжоу Дафэй, вопреки обыкновению, не стал паясничать или язвить в ответ. Вместо этого он спросил вполне серьезно:

— Учитель, вы больше не злитесь из-за того, что случилось вчера?

Пэй Янь фыркнул.

— А толку злиться? Придётся посадить тебя на цепь, чтобы не сбегал, стоит мне только отвернуться.

Вчерашняя ярость Пэй Яня ничуть не испугала Чжоу Дафэя. Напротив, он понял, что в глубине души режиссёра есть то, чем тот безгранично дорожит и чего панически боится лишиться — настолько, что готов потерять рассудок.

Например, мысль о том, что Чжоу Дафэй может уйти, была для Пэй Яня сейчас невыносима.

Чжоу Дафэй мысленно усмехнулся, но вслух ничего не сказал, сохранив на лице бесстрастное выражение.

Пэй Янь решил, что парень притих от испуга, и злость, кипевшая в нём со вчерашнего дня, наконец улеглась. Сменив гнев на милость, он притянул его к себе и ласково взъерошил волосы на затылке:

— Голова ещё болит?

— Уже нет, — тихо ответил Чжоу Дафэй.

По лицу Пэй Яня было видно, как сильно ему льстит эта покорность; он долго не убирал руку. Чжоу Дафэй, прижимая к груди пухлую папку со сценарием, послушно замер, позволяя чужим пальцам перебирать свои волосы.

Он не знал, было ли это мимолётным порывом нежности или же просто игрой на публику — скажем, для Шэнь Цзуя или Янь Минъяна, которые могли за ними наблюдать.

Впрочем, ему было абсолютно всё равно.

«Пэй Янь, тебе конец»

Возвращение в Шанхай состоялось на несколько дней раньше, чем планировалось.

Изначально Пэй Янь собирался дать всем немного передохнуть после окончания съёмок в Хэндяне, но планы резко изменились — вероятно, из-за каких-то неотложных дел. Едва завершились последние сцены, как уже на следующее утро они выехали обратно в Шанхай.

Спустя несколько месяцев Чжоу Дафэй со своими скромными пожитками снова переступил порог загородного поместья Пэй Яня у озера.

Но на этот раз бездельничать ему не пришлось. Не успев даже толком разобрать вещи, Чжоу Дафэй засел за работу и провёл без сна всю ночь, от корки до корки прочитав сценарий «Лимонной прохлады».

Сюжет представлял собой классический любовный треугольник: двое мальчишек и девчонка растут в одном дворе, дружат не разлей вода с самого детства, но в подростковом возрасте между ними вспыхивают чувства. Оба парня влюбляются в подругу, из-за чего бывшая дружба сменяется ревностью и враждой. Всё это густо замешивается на семейных драмах и ударах судьбы. В конце концов пути героев расходятся, оставляя зрителя наедине с открытым финалом.

Сказать по правде, «Лимонная прохлада» не лопалась по швам от логических дыр, но её банальность просто удручала. Ни единой свежей мысли: характеры персонажей, антураж, завязка, кульминация и развязка были списаны со стандартных шаблонов, которые первыми приходят в голову любому заурядному автору.

Человеческие чувства и мотивы бесконечно сложны. Взаимоотношения троих людей, как бы ни распределялись их роли, таят в себе великое множество удивительных психологических нюансов, но сценарист упрямо выбрал самый плоский, поверхностный и заезженный вариант.

Да и подано всё было настолько беспомощно, что сопереживать героям не получалось при всём

желании.

Пэй Янь поручил ему подготовить раскадровку, но Чжоу Дафэй понимал: в таком виде переносить эту историю на экран бессмысленно. Сценарий требовал радикальной, беспощадной переработки.

По сути, это был первый раз, когда Пэй Янь подпустил его к настоящему кинопроизводству. Чжоу Дафэй чувствовал, как в его венах закипает неудержимый азарт творца, смешанный с обострённым чувством долга. Вооружившись колоссальным терпением, он подошёл к делу со всей ответственностью.

Приятным бонусом оказалось и то, что после возвращения в город Пэй Янь был по горло занят делами. Он лишь запер Чжоу Дафэя в доме, строго-настрого приказав никуда не уходить, а сам с утра до ночи пропадал на встречах, так что виделись они крайне редко.

Чжоу Дафэй только радовался такому раскладу: целыми днями он единолично хозяйничал в домашнем кинотеатре, переписывая сюжет и отсматривая референсы, а по ночам спал в собственной комнате, избавленный от чужого присутствия.

Ему не было дела до забот режиссёра, однако из обрывков телефонных разговоров и бесед Пэй Яня с секретарём Ли до него долетали тревожные новости: возникли какие-то сложности с прокатной сеткой для картины «Гипотермия».

Даже Чжоу Дафэй при всей своей критичности признавал: количество сеансов в кинотеатрах подчас решает судьбу картины куда вернее, чем её художественные достоинства. Сколько шедевров канули в небытие просто потому, что им не дали экранного времени! Фильмы Пэй Яня неизменно приносили огромную прибыль, и Чжоу Дафэй понимал, каких колоссальных усилий и связей стоит выбивание выгодного проката.

Спустя неделю с лишним Пэй Янь наконец-то вернулся домой относительно рано.

Заметив из окна, как во двор въезжает знакомый автомобиль, Чжоу Дафэй на мгновение задумался. Затем собрал исписанные листы с набросками нового синопсиса и раскадровками ключевых сцен и отправился караулить хозяина дома у дверей его кабинета.

Но шло время, а Пэй Янь всё не поднимался. Уловив доносящиеся снизу приглушённые голоса, Чжоу Дафэй осторожно, на цыпочках, спустился на второй этаж и заглянул в лестничный пролёт.

В просторной гостиной Пэй Янь действительно был не один. На диване восседала женщина редкого изящества и шарма; её небрежный жест, которым она поправила волосы, казался ожившим кадром из высокобюджетной драмы. Чжоу Дафэй сразу её узнал: это была знаменитая кинодива Луань Вэй. Актриса зрелого возраста с четвертью немецкой крови, она славилась не только красотой, но и умом, умело поддерживая образ утончённой

интеллектуалки.

Чжоу Дафэй не отличался излишней пошлостью, чтобы в любой поздней гостье видеть любовницу, к тому же фильмография Луань Вэй вызывала искреннее уважение — дешёвой пустышкой она точно не была.

Но бережёного бог бережёт. Заметив, что Пэй Янь поднялся, чтобы налить вина, и не желая подслушивать их разговор, Чжоу Дафэй рассудил, что сейчас не лучшее время для визита. Прижав к себе наброски, он бесшумно скользнул обратно наверх.

В спешке он пару раз наступил на ступени слишком тяжело. Негромкий, но отчетливый стук шагов эхом разнёсся по дому. Луань Вэй, полулежа на диване, вскинула голову, но успела заметить лишь смутные очертания мужского силуэта, скрывшегося в темноте коридора.

— Пэй Янь, это и есть то самое юное сокровище, о котором судачат в кулуарах? — Луань Вэй многозначительно улыбнулась. — Что же он так поспешно сбежал? Мог бы и познакомить нас.

Режиссёр поставил декантер на столик и бросил взгляд в сторону лестницы. Чжоу Дафэя, разумеется, и след простыл.

— Строптивый попался, — негромко фыркнул Пэй Янь с неопределённой интонацией. — Чуть что не по нему — сразу скалится и пускает в ход зубы.

Актрису это явно позабавило, и на её щеках проступили очаровательные ямочки.

А вот лицо Пэй Яня незаметно помрачнело. Он и сам не смог бы внятно объяснить причину своего внезапного раздражения.

Чжоу Дафэй, ничего не подозревая об этих мыслях, вернулся к работе. Раз Пэй Янь занят, у него появилось время доработать собственный вариант «Лимонной прохлады». От прежней посредственной истории не осталось камня на камне — теперь это был совершенно другой проект. Пока Чжоу Дафэй набросал лишь концептуальный синопсис, определив стержневые точки сюжета и направление развития драмы.

Муза сегодня была к нему благосклонна. Он проработал несколько пронзительных, горько-драматических сцен из юности героев и набросал к ним раскадровки. Когда он закончил и отложил карандаш, стрелки часов уже перевалили за полночь.

Сладко потянувшись, чтобы разогнать затекшие от долгого сидения мышцы, Чжоу Дафэй достал из мини-бара баночку пива. Он устроился в изголовье кровати и, неторопливо потягивая холодный напиток, принялся перечитывать плоды своих ночных трудов. На губах его сама собой заиграла довольная улыбка.

То было не тщеславие, а чистое, ничем не замутненное упоение творчеством.

Приятная хмельная истома быстро разлилась по телу, убаюкивая уставший разум. Осушив банку, он почти мгновенно погрузился в глубокий сон. Его последней мыслью перед тем, как окончательно провалиться в небытие, было:

«Похоже, сегодня обойдётся без сновидений»

Беседа Пэй Яня и Луань Вэй затянулась до часа ночи. Проводив гостью, режиссёр ещё какое-то время сидел в тишине гостиной, задумчиво допивая остатки вина, и лишь затем направился к лестнице.

Подготовка к прокату «Гипотермии» шла со скрытым скрипом. Козни завистливых коллег по цеху накладывались на проблемы с дистрибьюторами, но главным камнем преткновения стал конфликт с инвестором, чьи деньги Пэй Янь так демонстративно отверг незадолго до этого.

Неприятности навалились внезапно, но Пэй Янь не был удивлён. Он прекрасно знал, какими рычагами влияния на кинотеатры обладает оскорблённый им делец, но один лишь вид этого господина Ли вызывал у него глухое отвращение, а принимать лицемерные извинения ради выгоды он не собирался принципиально.

Пэй Янь наотрез отказался от посредничества Янь Минъяна, который пытался их помирить, — и расплата за гордость не заставила себя ждать.

Именно улаживанию этого кризиса он и посвятил все дни после возвращения из Хэндяня. Луань Вэй, его бывшая сокурсница, согласилась задействовать свои связи в обмен на определенные уступки и встречные одолжения, которые Пэй Янь пообещал ей предоставить.

Вся эта закулисная возня, бесконечно далёкая от чистого искусства, давно стала для него рутиной, но оттого не делалась менее противной. Пэй Янь чувствовал себя опустошённым, и дело было вовсе не в позднем часе.

Освежившись под ледяным душем, он вышел в коридор и заметил, что из-под двери спальни Чжоу Дафэя больше не пробивается полоска света.

Они не разговаривали толком уже целую вечность, не говоря уже о чём-то большем.

Самое странное, что сейчас Пэй Яню до безумия хотелось просто перекинуться с ним парой слов — пускай даже тот в своей привычной язвительной манере в очередной раз обозвал бы его картины бездарным ширпотребом.

Пэй Янь замер перед дверью. Юноша наверняка давно спал.

Прохладный ночной воздух поздней весны приятно освежал лицо, прогоняя остатки сна.

Постояв так ещё немного, он бесшумно повернул ручку и вошёл в комнату.

Чжоу Дафэй действительно спал без задних ног. Рядом с ним на покрывале сиротливо белела стопка исписанных листов; сквозняк из приоткрытого окна лениво перебирал их края, наполняя комнату тихим, умиротворяющим шорохом.

Щёлкнув выключателем ночника, Пэй Янь осторожно, стараясь не разбудить парня, вытянул из-под его безвольной ладони рукопись, прислонился к косяку и принялся вчитываться в прыгающие строчки.

Почерк Чжоу Дафэя был сущим кошмаром — размашистые каракули летели по бумаге в полном беспорядке, перемежаясь стрелочками и зачёркиваниями. Однако, пролистав несколько страниц, Пэй Янь уловил суть. Чжоу Дафэй не стал мириться с убожеством оригинальной «Лимонной прохлады». Он переписал её полностью, создав глубокую, жесткую драму в своём собственном, неповторимом стиле.

Даже в куцем наброске синопсиса характеры троих протагонистов дышали пугающей, осязаемой жизнью. Эскизы раскадровок к ключевым сценам, выполненные скупыми штрихами, поражали точностью композиции и динамикой кадра. В этой истории не было фальши — лишь оголённые нервы, неизбежный человеческий эгоизм и злой рок, заставляющий содрогаться от острой, щемящей жалости к героям.

Пальцы Пэй Яня, сжимавшие листы, мелко задрожали. Он уже и забыл, когда в последний раз чужой замысел заставлял его сердце биться так часто, вызывая почти физический трепет.

Рано повзрослевший, искушённый в профессии и повидавший на своём веку сотни шедевров, он давно привык смотреть на чужое творчество с холодной аналитической отстранённостью. Казалось, его больше ничем невозможно зацепить.

Конечно, Пэй Янь отдавал себе отчёт в том, что личная привязанность к автору делала его оценку пристрастной, но даже самый суровый критик не смог бы отрицать очевидного: этот мальчишка обладал колоссальным, неоспоримым талантом.

«Разве могу я отдать такое сокровище какому-то Ся Жусэню или Шэнь Цзую?»

В эту секунду Пэй Янь окончательно укрепился в своём решении: он сам взрастит из Чжоу Дафэя великого режиссёра. Сделает его равным себе, единственным человеком, способным говорить с ним на одном языке искусства.

Из окна по-прежнему тянуло ночной прохладой, но Пэй Яню стало жарко. Он подошёл ближе и осторожно коснулся ладонью лба спящего парня, чувствуя, как накопившаяся за день

усталость бесследно тает.

Чжоу Дафэй недовольно зашевелился во сне. Почувствовав щекочущее прикосновение, он попытался отвернуться, утыкаясь лицом в подушку, но настырная рука не отпускала.

Заметив, как забавно хмурится и смешно дует губы сонный Чжоу Дафэй, Пэй Янь не удержался от искушения поребачиться и слегка сжал пальцами кончик его носа.

Парню явно не понравилось такое обращение; он недовольно промычал что-то себе под нос и на автомате взмахнул рукой, пытаясь отогнать назойливого вредителя.

Довольный своей шалостью, Пэй Янь широко улыбнулся. Он уже собирался убрать руку и наконец оставить спящего в покое, как вдруг тяжелая ладонь наотмашь опустилась ему на плечо.

В гробовой тишине спальни раздался хлёсткий, сочный шлепок. Пэй Янь от неожиданности вздрогнул и мгновенно отпрянул, разжав пальцы.

Одержав победу над невидимым врагом, Чжоу Дафэй с чувством глубокого удовлетворения повернулся на другой бок. Его ресницы слегка дрогнули, он сладко вздохнул и снова погрузился в безмятежный, ровный сон.

Пэй Янь только и смог, что лишиться дара речи.

<http://bllate.org/book/19003/1955728>